

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Научная статья / Research article

Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам

Залина Плиева ^a, Берта Туаева ^a✉,
Залина Канукова ^b, Али Калирад ^c

^a Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Россия

^b Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН,
Владикавказ, Россия

^c Тегеранский университет, Тегеран, Иран

✉ ms.amaga@mail.ru

Аннотация: Анализируется деятельность консульских служб Ирана на Кавказе, их роль в российско-кавказских дипломатических отношениях, в частности, в процессах адаптации иранских трудовых мигрантов в принимающих обществах. Авторы ставят своей целью расширение исторических знаний о пребывании на территории Кавказа иранцев, восстановление полной картины истории миграционных процессов в регионе. Выявлены особенности ирано-кавказских дипломатических отношений в досоветский период, положение мигрантов и их правовое сопровождение, деятельность консульств в сохранении иранской культурной идентичности, внутренние и внешние проблемы в иранских консульских службах. В научный оборот введены документы политических и консульских миссий Ирана на Кавказе за 1905–1911 гг., отложенные в Архиве Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, материалы иранской периодики рассматриваемого времени в совокупности с личными делами вице-консулов, хранящимися в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи. Они позволили определить весомый вклад консульских служб в развитие дипломатических отношений двух стран. Сделан вывод о наибольшей успешности этих отношений в Терской области, что связано с благоприятными условиями ее развивающейся экономики для трудовых мигрантов и такими субъективными факторами, как личные качества ряда вице-консулов, уровень их взаимодействия с российскими властями. Деятельность вице-консулов удачно сочетала содействие инкорпорации мигрантов в российскую экономику и культуру с созданием условий для сохранения иранской культурной идентичности.

Ключевые слова: Персия, российско-иранские отношения, трудовая миграция, административно-правовое сопровождение мигрантов

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56005 «Иранские диаспоры на Северном Кавказе в контексте российско-иранского взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX века)».

Для цитирования: Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад Али. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Activities of Iran's Consular Services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian Sources

Zalina Plieva ^a, Berta Tuaveva ^a✉,
Zalina Kanukova ^b, Ali Kalirad ^c

^a North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

^b North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev –
Branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Russia

^c Tehran University, Tehran, Iran

✉ ms.amaga@mail.ru

Abstract: The authors analyze the activities of Iran's consular services in the Caucasus, their role in Russian-Caucasian diplomatic relations, in particular, in the processes of Iranian labor migrants' adaptation to host societies. The authors aim to expand historical knowledge of Iranians' staying in the Caucasus, to restore a complete picture of the history of migration processes in the region. There are revealed the features of Iranian-Caucasian diplomatic relations in the pre-Soviet period, the situation of migrants and their legal support, the activities of the consulates in preserving the Iranian cultural identity, internal and external problems in Iran's consular services. There have been introduced into scientific use the documents of political and consular missions of Iran in the Caucasus for 1905–1911 stored in the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran, materials of Iranian periodicals of the period under consideration, as well as the personal files of the vice-consuls stored in the Persian Table Foundation (f. 144) of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. They made it possible to determine the significant contribution of consular services to the development of diplomatic relations between the two countries. The conclusion is made about the greatest success of these relations in the Terek region, which is due to the favorable conditions of its developing economy for labor migrants and such subjective factors as the personal qualities of a number of vice-consuls, the level of their interaction with the Russian authorities. The activities of the vice-consuls successfully combined the promotion of the incorporation of migrants into the Russian economy and culture with the creation of conditions for the preservation of Iranian cultural identity.

Keywords: Persia, Russian-Iranian relations, labor migration, administrative and legal support of migrants

Acknowledgements and Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-59-56005 “Iranian diasporas in the North Caucasus in the context of Russian-Iranian co-operation (the second half of the 19th – the first third of the 20th century).”

For citation: Plieva, Zalina, Tuaveva, Berta, Kanukova, Zalina, and Kalirad, Ali. “Activities of Iran's Consular Services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian Sources.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Введение

Интерес к международным миграциям определяется представлением о миграциях и формирующихся ими зарубежных диаспорах как факторе глобального влияния на экономику, политику, этническое и культурное развитие современного мира. Поэтому обращение к историческому опыту массовых миграционных движений и формирования зарубежных диаспор, в частности иранских, представляется перспективным. Актуальность исследования миграционной истории иранского населения на Кавказ определяется современным уровнем российско-иранского взаимодействия, основным вектором которого является развитие регионального сотрудничества, в том числе и в сфере гуманитарной науки. Целый ряд международных российско-иранских научных форумов способствовал обмену научной информацией, формированию новых исследовательских направлений, появлению совместных проектов в области исторических исследований.

Одним из них является исследование истории иранского населения Кавказа, в частности Терской области, которое стало формироваться со второй половины XIX в. в городах региона. Удачное географическое положение области, экономическое развитие, обусловленное проведением ряда реформ, и миграционная политика российского правительства, нацеленная на обеспечение региона трудовыми ресурсами, вызвали массовый приток мигрантов из российских губерний, европейских государств и стран Ближнего Востока, в частности Ирана.

В Иране в рассматриваемый период времени сложилась тяжелая экономическая ситуация: вмешательство иностранного капитала, проведение неэффективных реформ, давление на традиционные виды хозяйства, многолетние проблемы с ирригацией, приведшие к засухе и неурожаю. Все это привело к трудовой миграции населения Ирана, в том числе и приверженных традиции этнических персов. В процессах регистрации и обустройства иранских переселенцев, в поддержании дипломатических и торговых контактов между Россией и Ираном важную роль играли консульские службы и лично консулы и вице-консулы, которые опекали поданных своего государства, обеспечивали юридическое сопровождение их пребывания в России.

Различные отрасли промышленности, появившиеся на Кавказе (включая разработку медных рудников, производство цемента, строительство дорог и развитие сети железных дорог), нуждались в рабочей силе. За короткий промежуток времени значительная часть иранских мигрантов была трудоустроена в качестве работников нефтяной промышленности и других отраслей экономики, некоторые стали заниматься сезонным земледелием. При этом квалифицированные рабочие и инженеры-технологи являлись гражданами других национальностей, таких как русские, украинцы, армяне.

Однако рост численности мигрантов со временем привел к перенасыщенности рынка труда, ухудшению условий жизни и перемещению иранцев на Северный Кавказ, в Терскую и Дагестанскую области, активное экономическое развитие которых требовало новых трудовых ресурсов – рабочих, торговцев, ремесленников.

Предстоявшие мигрантам сложные процессы адаптации к хозяйственно-бытовой и культурной среде усугублялись незнанием русского языка и российских законов. Многие из них прибывали нелегально, не имели паспортов и видов на жительство, что выводило их из правового поля страны. Административно-правовое сопровождение переселенцев должны были осуществлять иранские консульства, но в связи с ростом миграции они плохо справлялись с поставленными задачами. Поэтому встал вопрос об открытии вице-консульств, которые внесли существенный вклад в упорядочение жизнеустройства мигрантов и в развитие российско-иранских отношений в целом.

История иранских мигрантов на Кавказе долгое время не привлекала внимания исследователей. В последние годы, в связи с установлением российско-иранских научных контактов, проведены исследования многих аспектов жизни иранцев на Кавказе. В частности, обстоятельно описаны история, причины и маршруты трудовой миграции, процессы хозяйственной адаптации иранцев к городской среде Владикавказа и городов Дагестана¹. Выявлены социально-политические связи в XIX – начале XX в. и родственные отношения иранцев с народами Северного Кавказа².

¹ Канукова З.В., Плиева З.Т., Туяева Б.В. Персидское население Терской области во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 11. С. 379–394; Мусаева С.И. Приморский Дагестан в истории культурно-экономического сотрудничества России и Ирана // Известия СОИГСИ. 2019. № 34. С. 73–83. <https://doi.org/10.23671/УЖ12019.73.43107>

² Марзоев И.Б.Т. Осетино-персидские социально-политические связи и родственные отношения в XIX – начале XX вв. // Kavkaz-Forum. 2020. № 2. С. 74–82.

В ряде публикаций исследована история вице-консульств, система назначения консулов и ее реформирование, деятельность по обеспечению мигрантов необходимой документацией³, выявлены имена неизвестных вице-консулов, определена их роль в организации религиозной и образовательной сфер на территории распространения их влияния⁴. Результаты исследований нашли отражение и в ряде обобщающих работ⁵.

Цель настоящей статьи – выявление особенностей ирано-кавказских дипломатических отношений, роли консульств в инкорпорации персов в российскую экономику и культуру.

Источниковой базой настоящей статьи стали иранские и отдельные российские источники. Российские источники представлены личными делами вице-консулов, хранящимися в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи, которые позволили определить весомый вклад консульских служб и отдельных консулов в развитие дипломатических отношений двух стран.

Преимущества международного российско-иранского сотрудничества открыли новые возможности в привлечении архивных материалов Ирана, среди которых обнаружилось и важные документы по истории мигрантов и деятельности консульств на Кавказе. Впервые введены в научный оборот иранские источники – документы политических и консульских миссий Ирана на Кавказе за 1905–1912 гг., в том числе переписка между представительствами Ирана и Кавказа с Министерством иностранных дел Ирана, которые хранятся в Тегеране, в МИД Ирана, Архиве Управления дипломатической истории и документации. В этих письмах самой часто обсуждаемой проблемой является транзит и легализация пребывания персидско-подданных в России. Источники содержат важную и новую для нас информацию о социально-политической ситуации, связанной с миграцией граждан Ирана на Кавказ и проблемами их жизнеустройства, правовой и культурной адаптации в регионе. В отличие от российских источников иранские документы, особенно эпистолярные, содержат неизвестные российским исследователям сведения о внутренних проблемах, существовавших в консульствах, о коррупционных схемах, злоупотреблениях чиновниками своей властью в вопросах легализации мигрантов, которые проясняют причины частой сменяемости консулов и вице-консулов.

Использованы также персидские документы о положении иранцев на Кавказе и функционировании иранских посольств в 1905–1911 гг., опубликованные Резапуром Аббасом. Из российских источников известно о тяжелом положении мигрантов, но иранские документы позволяют глубже понять причины такого положения, среди которых – нелегальный переход ирано-российской границы, ментальные особенности переселенцев, обусловившие особенности их поведенческих стратегий, например, политической пассивности, приверженности к традиционному образу жизни.

Привлечены и материалы иранской периодики, в частности газеты «Jabal-al-Matin» за 1907 г., где содержатся сведения о действиях иранских властей по защите прав персидско-подданных на Кавказе.

³ Плиева З.Т., Канукова З.В., Туаева Б.В. Персидские вице-консулы на Северном Кавказе (1894–1920) // *Kavkaz-Forum*. 2022. №10. С. 84–95.

⁴ Хансаева Д.В. Персидская диаспора Владикавказа (по материалам периодической печати второй половины XIX – начала XX века) // *От Фирдоуси до Пушкина: русский язык как средство международной коммуникации. Сборник материалов Российско-иранской научно-практической конференции. Владикавказ, 2021. С. 107–112.*

⁵ Этнографический атлас республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ, 2020.

Ирано-кавказские дипломатические отношения в досоветский период

Отношения между Тегераном и Петроградом полностью контролировало Министерство иностранных дел Ирана, которое осуществляло постоянную коммуникацию с посольством Ирана⁶.

Рост численности иранских граждан на территории России, безусловно, ставил вопрос об их консульском сопровождении. Необходимость поддерживать связь и решать вопросы, связанные с пребыванием многочисленных иранских граждан, проживавших на Кавказе, побудили иранское правительство расширить посольство в столице Российской империи. Для создания представительств и консульств на Кавказе было задействовано Генеральное консульство Ирана в Тифлисе в качестве общего координатора.

Генеральное консульство сотрудничало с посольством Ирана в Петрограде и консульствами в России, а также вице-консульствами в других городах и регионах Кавказа: Баку, Гянджа, Владикавказ, Астрахань (Астара Хан), Ереван и Батум.

Первое время иранских мигрантов опекал Персидский консул в Астрахани⁷, где иранцы обосновались еще в XVII в. и открыли вице-консульство в 1870-х гг. В период с 1886 по 1890 г. опека над мигрантами перешла к Генеральному консульству Его Величества Шаха Персидского в г. Тифлис⁸. В Терской области персидско-подданных опекало по поручению Кавказского наместничества ее руководство, которое содействовало переселенцам в получении национальных паспортов и билетов на свободное нахождение в области, получении гражданства.

В связи с существенным увеличением численности иранского населения было принято решение о создании вице-консульства Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей с местом пребывания в г. Владикавказ. Первым персидским вице-консулом в 1894 г. Правительствующий Сенат признал по согласованию с персидским генеральным консулом, Халиль Хана, под контроль которого были переданы иранцы, проживающие во Владикавказе, Петровске и в Дагестанской области. Данное обстоятельство подтверждается постановлением Правительствующего Сената о признании Халиль-Хана персидским вице-консулом во Владикавказе, Петровске и в Дагестанской области от 21 октября 1894 г.⁹

Главнoначальствующий на Кавказе сенатор князь Г.С. Голицын решил изменить систему назначения консулов, вице-консулов и их агентов, унифицировав эти правила с теми, которые действовали по отношению ко всем другим странам и предусматривали согласование с правительством через Министерство иностранных дел.

В 1897 г. по Указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат назначил персидским вице-консулом во Владикавказе и Петровске с распространением района его водворения на всю Дагестанскую область Яхья-Бея, который прославился своей активностью в защите шиитской мечети Владикавказа¹⁰.

В 1901 г. вице-консулом был утвержден Давуд-Хан – самый известный и авторитетный вице-консул, который добился основания во Владикавказе русско-персидского новометодного училища «Навруз»¹¹, Общества пособия бедным персидско-подданным

⁶ *Каве Баят*. Буря над Кавказом. Тегеран, 2002. С. 22 (на перс. яз.).

⁷ *Далгат Э.М.* Иранцы в городах Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 34. С. 60. <https://doi.org/10.23671/UJH.2019.73.42914>

⁸ *Дадаева Л.А.* Персидско-подданное население в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: социально-экономический аспект // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 13-16.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 3359. Л. 5.

¹⁰ *Плиева З.Т., Канукова З.В., Туаева Б.В.* Персидские вице-консулы... С. 88.

¹¹ Там же. С. 89.

в городе Владикавказе и Терской области «Химмат», женской гимназии в Темир-Хан-Шуре, Персидского дома во Владикавказе. Вице-консул выстроил хорошие отношения с начальством Терской области, с администраций городов, с исламским духовенством региона, с главами национальных и религиозных общин. Ежегодно он устраивал торжественные приемы в дни персидских национальных праздников, на которые приглашались его многочисленные друзья. Давуд-Хан дольше всех вице-консулов занимал свою должность, пустил «корни» во Владикавказе, женившись на представительнице знатного осетинского рода Тугановых. При Давуд-Хане иранская община на Северном Кавказе существенно укрепилась организационно и материально, создала институты, поддерживающие сохранение и укрепление этничности, и в то же время влилась в местную социально-культурную среду.

Однако после его ухода с должности начался период кадровой лихорадки. В 1908 г. временно управляющим вице-консулом был назначен Мирза Исаак Хан, в 1909 г. – Мирза-Мохаммед Риза Хан, а через несколько месяцев – Мирза Гаффар, в 1910 г. – Мирза Ибрагим Хан, затем Садык Хан, в 1911 г. – Мирза Али Экбер Шахсуваров, затем Мирза Ибрагим Хан, в 1912 г. вернулся Мирза Гаффар Хан¹². В имеющихся документах нет сведений о каких-либо заслугах этих лиц, но их частая сменяемость позволяет предполагать наличие проблем в Генеральном консульстве и даже в правительстве Ирана.

Масштабность деятельности иранских представительств зависела от количества граждан Ирана в той или иной части Кавказа, а также от типа и объема бизнеса и деловых отношений, специализации региона.

Правительственные отчеты и телеграммы, которыми обменивались между собой представители консульств и Министерство иностранных дел, носили официальный характер, но среди них встречаются нарративные документы, которые позволяют анализировать различные инциденты и события, связанные с персидско-подданными на территории Кавказа.

Иранские исследователи отмечают очень частую смену дипломатических чиновников на Кавказе. При этом каждый последующий консул или вице-консул нередко указывал на свою более профессиональную и качественную работу в сравнении с предшественником, критически оценивая его деятельность.

Статистика выдачи удостоверений личности иранцам, отправлявшимся на Кавказ в конце XIX в., показывает значительный рост числа мигрантов. Наличие же в регионе нескольких консульств и представительств Министерства иностранных дел Персии свидетельствует о большом количестве иранцев, которые работали постоянно или сезонно на Кавказе в различных сферах и районах. Однако подсчитать, сколько было иранцев, мигрировавших на Российский Кавказ, невозможно, потому что число нелегальных в несколько раз превышало численность зарегистрированных персидских мигрантов. Сведения о количестве официальных мигрантов разнятся. Так, российский консул в Урмии указывал цифру 15 615 чел. в 1891 г., 22 861 чел. – в 1897 г. и 59 121 чел. – в 1900 г. только из консульства России. Это консульство в Урмии выдало визы на въезд в Россию 22 861 чел. в 1904 г.¹³

В корреспонденции иранских консульств на Северном Кавказе тема транзита и проблем с легализацией пребывания персидско-подданных в России была одной из самых обсуждаемых.

Причина создания Генерального консульства Ирана в Тифлисе заключалась не только в росте численности мигрантов, но и в том, что именно там находилась рези-

¹² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3362–3368.

¹³ *Резанур Аббас*. Документы о положении иранцев на Кавказе и функционировании иранских посольств в 1905–1911 гг. // История дипломатии. 2012. № 54. С. 75–99 (на перс. яз.).

денция кавказского наместника на Кавказе. Очевидно, что политическая значимость Генерального консульства Ирана в Тифлисе была многогранна, учитывая геополитическое расположение и осуществляемый через кавказские дипломатические офисы обмен политической информацией¹⁴. Например, на Саеда Аль Зареха возлагалась задача трансляции политической линии Ирана непосредственно в Тифлисе¹⁵. Посредническая роль иранских консульств в отношениях между Тегераном и Санкт-Петербургом в координации некоторых проектов сотрудничества считалась очень важной. Среди них – постройка Кавказской перевальной дороги с конечным пунктом в одном из городов Ирана; упоминаются и такие случаи, как покупка боеприпасов¹⁶.

Иранские источники о положении мигрантов и их правовом сопровождении

Многие проблемы, свойственные массовой миграции населения, наблюдались при пересечении границы персидских граждан и распределении их по Кавказскому региону. Газета «Хабаль аль-Матин» свидетельствует о тяготах мигрантов. В ней, в частности, отмечается:

В этом году поздней осенью более 500 бедных семей Хамадана, Азербайджана и других регионов Ирана, намеренных переселиться в Россию, укрылись от суровости холода и безденежья в приютах и мечетях. 30 из них умирают каждый день из-за сильного голода и наготы¹⁷.

Достигнув Кавказа, переселенцы часто оказывались в неприемлемых для проживания условиях. Профессиональная специализация в такой ситуации не имела значения – мигранты были вынуждены соглашаться на самую черную и тяжелую работу, от которой отказывались местные жители.

Иранские исследователи указывают, что одной из причин сложившейся на рынке труда для иранских рабочих ситуации было воспитание иранцев во внутренней авторитарной среде, не позволявшей им отстаивать свои права. Поэтому они не участвовали в выступлениях против продолжительного рабочего дня и низкой заработной платы, что делало их весьма желанными для работодателей. Сохранилось описание тяжелых условий существования мигрантов неким рабочим Касимовым:

Приходилось жить группами по 40 и 50 человек в скромном доме без санузлов. Риск инфекционных заболеваний был всегда, а еда была очень плохой, часто это были объедки. Нас били палками, некуда было обращаться с нашими жалобами. Полиция всегда была на стороне работодателей¹⁸.

Заработная плата иностранцев была значительно ниже, чем у других рабочих. Например, носильщики получали от 50 до 60 коп. в день за 13 часов тяжелой работы, что составляло от 15 до 20 руб. в месяц. Шахтерам платили примерно за 9 часов работы от двадцати до двадцати пяти манатов. Горняки пользовались такими льготами, как бесплатные жилье и вода, некоторыми другими привилегиями, в то время как для носильщиков («амбалов») – преимущественно иранцев все это было недоступно¹⁹.

¹⁴ Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Tehran (Henceforth – AMFA Tehran). B. 5. D. 4. 1910; Ibid. B. 5. D. 33.1910 (на перс. яз.).

¹⁵ Ibid. B. 12. D. 5. 1911.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Хабаль аль-Матин. № 18. 1907 г. 7 февраля (24 месяца зихадже 1324 г. по лунной хиджре) (на перс. яз.).

¹⁸ *Резанур Аббас*. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 83 (на перс. яз.).

¹⁹ *Зайнал Абдин Маргай*. Рассказ о путешествиях Ибрагима Бейка. Тегеран, 1986 (1364 г. по хиджре). С. 18 (на перс. яз.).

Иранские мигранты своим тяжелым трудом способствовали экономическому процветанию Кавказа, но часто встречали унижительное обращение со стороны местного населения. Джафар Пишвари, иммигрировавший в детстве со своей семьей в Баку, отмечал, что

кавказцы и местное население иранского гражданина считали низким и презренным <...> Они унижали его и не пускали в рестораны и места общественных развлечений²⁰.

Рост численности мигрантов на Кавказе поставил в актуальную повестку вопрос о защите прав иранцев и их консульского сопровождения. Отчеты, которые присылались из кавказских консульств в МИД, свидетельствовали, что большинство из проживавших там иранцев были простыми рабочими, которые зачастую ненамеренно нарушали российское законодательство, не зная языка и местных законов. Это делало их уязвимыми перед полицией и создавало много проблем консульствам, вынужденным тратить время на решение таких проблем, как несанкционированное пересечение границы, отсутствие законного контракта с местными работодателями, страхование труда и отсутствие гарантий занятости. Даже в случае наличия требуемых документов судебное расследование было дорогим и занимало месяцы, при этом исход дела зачастую был безуспешен²¹.

Со временем иранцы поняли, что лучше отстаивать собственные права, используя привилегии, которые имели российские предприниматели, поэтому появилось большое количество желающих получить российское подданство, добавить суффикс «ов» к фамилии, принять православие²².

Для рассмотрения судебных исков между иранцами и россиянами при Министерстве иностранных дел действовала административная организация, известная как Иностранный суд, который занимался рассмотрением с учетом положений Туркманчайского договора²³, вопросов дискриминации и осуждения подданных Ирана, особенно за границей. Материалы по этим вопросам готовили консульства и консульские отделы, в том числе и северокавказские.

Персидские консульства на местах настоятельно рекомендовали правительству Ирана действовать в рамках мирных доброжелательных отношений, поддерживать регулярное общение с российскими официальными лицами на местах, организовывать проведение приемов и вручение подарков, так как эти шаги облегчают процесс консульского делопроизводства²⁴.

Учитывая возникающие проблемы и необходимость их разрешения, консул Ирана в Баку Саеду Аль Зари направил обращение в МИД Ирана следующего содержания:

На Кавказе сто тысяч граждан иранцев, из которых 90 тыс. рабочих и торговцев, из-за незнания правильных законов или коррупции среди некоторых иранских чиновников, загнаны в ловушку. Их ловят и сажают в тюрьмы здесь. Необходимо назначить надлежащего официального адвоката, который при необходимости выезжал бы в суды и по домам персидско-подданных. Согласно местному законодательству, он должен был бы защищать права граждан, а также при консульстве требуется свой врач²⁵.

²⁰ Пишхури, Джафар. Партия истории справедливости. Тегеран, 1981 (1359 г. по хиджре). С. 16.

²¹ AMFA Tehran. В. 12. D. 5. 1911 (на перс. яз.).

²² Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 89 (на перс. яз.).

²³ Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном // Исторический факультет МГУ им. М. Ломоносова [сайт]: URL:

<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁴ AMFA Tehran. В. 12. D. 5. 1911 (на перс. яз.).

²⁵ Ibid. В. 120. D. 12. 1910 (на перс. яз.).

Роль консульств Ирана в сохранении иранской культурной идентичности

Актуальным вопросом в процессах адаптации иранцев в России было сохранение ими иранской и исламской идентичности в условиях процессов интеграции и ассимиляции мигрантов, а также политики распространения пантюркизма османского правительства. Задача создания условий для сохранения культурных ценностей, нравов, национальных обычаев и религии на Кавказе была возложена на официальных иранских представителей в регионе и в целом в России.

В период активной миграции персидского населения на рубеже XIX–XX вв. сотрудники и руководители иранских консульств прилагали усилия для политической и духовной поддержки, для сохранения культурных, языковых, религиозных и исторических связей иранцев с родиной.

В городах создавались персидские школы, на которые возлагалась задача преподавания и сохранения персидского языка; организовывались благотворительные общества для поддержки учащихся, заботы о сиротах и бедных иранских гражданах, торговые представительства; предпринимались также усилия по изданию газет на персидском языке. Такие мероприятия были характерны для всех диаспорных групп, но иранцы считали, что это является неотъемлемой частью деятельности правительства Ирана с целью предотвращения пропаганды против него²⁶.

В переписке представителей персидских консульств на Кавказе отложились и благодарности, в частности, благодарность от МИД Ирана за усилия по созданию благотворительных организаций по уходу за бедными пациентами – иранцами, за возмещение расходов на захоронение мертвых. Документы содержат и призывы к иранским предпринимателям участвовать в благотворительности путем сбора денежных средств²⁷.

Присутствие иранских консульств на Кавказе в некоторых случаях эффективно содействовало предотвращению этнических и религиозных противостояний, снижению напряженности в регионе. За такие заслуги иногда для подданных Ирана запрашивали награды и знаки отличия²⁸. Процедура награждения иранцев была достаточно длительной по времени, поскольку для нее запрашивалась характеристика с места проживания в Иране. В Архиве внешней политики Российской империи имеется дело о награждении орденом Св. Станислава третьей степени Али Бека Ирзабекова – персидско-подданного, директора Грозненского отделения областного комитета общества попечительного о тюрьмах²⁹.

Иранские консульства в некоторых случаях участвовали в рассмотрении вопросов, связанных не с персами, а, например, с кавказскими мусульманами – азербайджанцами, это были вопросы, касающиеся прежде всего беженцев.

Указанные серьезные конструктивные действия официальных лиц Ирана по защите прав своих подданных на Кавказе, побудили граждан европейских стран, таких как Швеция, Норвегия и Дания, у которых не было представительств на Кавказе, несмотря на наличие генеральных консульств Германии, Османской империи, Австрии и Франции – предпочесть, чтобы их курировали иранские чиновники³⁰.

²⁶ Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 77 (на перс. яз.).

²⁷ AMFA Tehran. В. 6. Д. 3. 1911 (на перс. яз.).

²⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1162. Л. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ AMFA Tehran. В. 55. Д. 4. 1911 (на перс. яз.).

Внутренние и внешние проблемы в деятельности иранских консульских служб

Помимо искренних усилий большинства представительств МИД Ирана по решению проблем иранцев на Кавказе нельзя не обратить внимание на другие факторы – внешние и внутренние, вызывающие потерю доверия подданных Ирана к консульствам.

К внешним факторам относятся: хаос, вызванный слабостью центральной власти, безразличие иранского правительства к проблемам людей за границей своего государства, недоброжелательные действия российских и иностранных чиновников против иранцев. Проблему представляла и необходимость покрытия расходов в связи с неожиданными событиями, такими как стихийные бедствия, беспорядки и революции, что не было чем-то необычным в кавказском регионе и возлагало на иранские консульские службы тяжелое финансовое бремя.

Внутренние факторы включают недостаточный бюджет представительств и несвоевременное распределение прав и обязанностей между сотрудниками. Сообщения из консульских представительств сигнализировали о различных злоупотреблениях (в частности, о присвоении имущества умерших на чужбине подданных Ирана).

В документах иранских кавказских консульских служб отложилась переписка по сбору средств на возмещение дополнительных расходов, вызванных непредвиденными событиями в регионе. Расчеты по счетам и решение возникших финансовых трудностей (личных или административных на местах) в Тегеране по квитанциям осуществлял МИД, а в случае нехватки денег прибегали к помощи иранских купцов и ростовщиков, некоторых местных жителей.

Также действенными были займы у финансистов в случае неприбытия вовремя перевода заработной платы сотрудников консульств из столицы, что постепенно формировало особые отношения между сотрудниками консульств с торговцами и ростовщиками и ожиданием от последних предоставления некоторых услуг. Такие действия свидетельствовали о независимости принятия решений должностными лицами, но и способствовали распространению административной и даже политической коррупции. В переписке имеются также свидетельства того, как иранские предприниматели-резиденты выражают свое недовольство подобными фактами.

После публикаций большого количества статей в иранских газетах, таких как «Сорайя», «Хабалул Матин», «Ахтар», персидские дипломаты вынуждены были обратить внимание на права соотечественников на Кавказе.

Кроме того, в адрес чиновников поступало много писем и жалоб, как личных, так и групповых. К разрешению вопросов и инспекции консульств были привлечены бельгийские советники в правительстве Ирана, появившиеся после назначения в 1898 г. бельгийца Науса главой таможенного ведомства.

В ходе проверок бельгийскими инспекторами было подтверждено, что финансовая и административная коррупция являлись неотъемлемой частью работы консульств на Кавказе.

Обращаясь к Почетному генеральному консулу правительства Ирана в Тифлисе, ереванский консул писал после такой инспекции:

За последние три года, когда наше государственное управление было перевернуто с ног на голову, а авторитарное правление сменилось конституционным строем, министерство иностранных дел Персии должно было иметь в своих рядах соответствующих чиновников для организации работы в новых условиях. Была сформирована и отправлена на Кавказ дипломатическая миссия. Дипломаты сразу же приступили к работе, ожидая, что их службу и старания оценят

<...> Но он так прижал дипломатов, контролируя и приводя их в состояние растерянности, что они довольствуются собственной смертью. И я один из тех людей, который недавно несколько раз пытался покончить с собой, потому что служба в пятнадцать лет и все заработанное имущество пошли прахом. Правительство должно знать о таких неуместных проявлениях. Остаток преданным Вам³¹.

Изучение переписки консульств с Министерством иностранных дел показывает, что личные злоупотребления государственным и административным положением, особенно в случае выдачи национальных паспортов, были настолько распространены, что вполне ожидаемым был их «прорыв» из закрытого пространства консульского делопроизводства в репортажи на страницах периодических изданий. Сообщения о коррупционных схемах и неорганизованности на местах упоминаются также в различных путевых заметках.

Джавад Сад од-Доуле, занимавший дважды посты министра иностранных дел и премьер-министра, обращался к руководителям консульских служб на Кавказе с призывом быть предельно внимательным и аккуратным в выдаче в кавказских представительствах удостоверений личности курдам и российским подданным, а также требовал точности в подсчете сумм уплаченных пошлин и расходов в кавказских консульствах и не принимать отчет без тщательной проверки³².

Понятно, что в условиях изменения статус-кво и порядка ведения дел после конституционной революции в Иране 1907–1911 гг., навести порядок в вопросах, связанных с мигрантами, издав несколько директив и инструкций за короткий период времени, было невозможно.

Выводы

Консульские службы Ирана в России внесли существенный вклад в развитие дипломатических отношений двух стран. Рост численности мигрантов на Кавказе поставил в актуальную повестку вопрос о защите прав иранцев и их консульского сопровождения. Вопрос активно обсуждался в Иране, общественность которого требовала от правительства конкретных мер по защите иранцев и выступала против коррупции чиновников. Эти настроения нашли отражение в иранской периодике и воспоминаниях путешественников.

Проявляя заботу о трудоустройстве своих граждан, они способствовали развитию местной промышленности, торговли и ремесленного производства, интеграции своих подданных в экономику и культуру Российской империи. С другой стороны, они создавали условия для сохранения иранской культурной идентичности. Следует отметить, что наиболее заметные успехи в административно-правовом сопровождении мигрантов были достигнуты в Терской области.

Анализ иранских источников позволяет конкретизировать представления о деятельности консульских служб на Кавказе, сложившиеся в российской историографии. В частности, выявлено, что иранские мигранты, спасаясь от экономического кризиса и внутривластного хаоса на родине, в своем большинстве прибывали в регион нелегально. У них было много правовых и организационных препятствий, начиная с особенностей менталитета и заканчивая незнанием местного законодательства и русского языка, отсутствием страхования и действующего трудового договора с местными работодателями, незнанием собственных прав в стране пребывания. Эти проблемы касались прежде всего консульских служб. Однако в рассматриваемый период сложная политическая ситуация в Иране не позволяла прави-

³¹ Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 84 (на перс. яз.).

³² Ibid.

тельству страны уделять должное внимание работе консульств и вице-консульств, успешность которой определялась уровнем взаимодействия с российскими властями, личными качествами консулов, другими субъективными обстоятельствами.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.10.2022

References

- Bayat, Kaveh. *Toofan bar faraz-e Qafqāz* [Storm over the Caucasus]. Tehran: Center for Diplomatic History and Documents Publ., 1380 (in Persian).
- Dadaeva, L.A. “Persidsko-poddannoe naselenie v Dagestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: sotsial’no-ekonomicheskii aspect.” *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (2014): 13–16 (in Russian).
- Dalgat, E.M. “Irantsy v gorodakh Dagestanskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 34 (2019): 54–62 (in Russian). <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.73.42914>
- Kanukova, Z.V., Plieva, Z.T., and Tuaveva, B.V. “Persidskoe naselenie Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov.” *Nauchnyi dialog*, no. 11 (2021): 379–394 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-379-394>
- Khapsaeva, D.V. “Persidskaia diaspora Vladikavkaza (po materialam periodicheskoi pechati vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka).” In *Ot Firdousi do Pushkina: russkii iazyk kak sredstvo mezhduнародnoi kommunikatsii. Sbornik materialov Rossiisko-iranskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 107–112. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2021 (in Russian).
- Marzoev, I.B.T. “Osetino-persidskie social’no-politicheskie svyazi i rodstvennye otnosheniia v XIX – nachale XX vv.” *Kavkaz-Forum*, no. 2 (2020): 74–82 (in Russian).
- Musaeva, S. I. “Primorskii Dagestan v istorii kul’turno-ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Irana.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 34 (2019): 73–83 (in Russian). <https://doi.org/10.23671/УЖ12019.73.43107>
- Pishhour, Ja’far. *Tārikhche-ye hezb-e edālat [History of Hizb Adalat]*. Tehran: Alam Publications Publ., 1981 (in Persian).
- Plieva Z.T., Kanukova Z.V., and Tuaveva, B.V. “Persidskie vice-konsuly na Severnom Kavkaze (1894–1920).” *Kavkaz-Forum*, 10 (2022): 84–95, <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.17.10.005> (in Russian).
- Plieva, Z.T. “Migratsionnaia istoriia irantsev na Severnom Kavkaze.” *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*, no. 4 (2021): 49–56. <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-4-49-56> (in Russian).
- Rezapour, Abbas. “Asnādi ax vaz’iyat-e irāniyān dar Qafqāz va a mallard-e namāyandegihā-ye Irān tey-ye sālḥā-ye 1323-1329 ghamari [Documents on the situation of Iranians in the Caucasus and the functioning of Iranian embassies during the lunar years 1329–1323].” *Faslnāme-ye tārikh-e ravābet-e khāreji – Yearbook of Foreign Relations*, no. 54 (2012): 75-99 (in Persian).
- Zeynol’ābedin Marāghei. *Siāhatnāme-ye Ebrāhim Beyk [Ebrahim Beyk’s travelogue]*. Tehran: Asfar Publishing House Publ., 1986 (in Persian).

Информация об авторах / Information about the authors

Залина Тимуровна Плиева, канд. истор. наук, доцент кафедры российской истории, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>

Zalina T. Plieva, PhD in History, Ass. Professor of the Russian History Department, North Ossetian State University named after Kosta Khetagurov; 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Russia; za-li@yandex.ru; orcid.org/0000-0002-9024-7175

Берта Владимировна Туаева, д-р истор. наук, профессор кафедры российской истории; Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>

Berta V. Tuaveva, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, North Ossetian State University named after Kosta Khetagurov; 46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Russia; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>

Залина Владимировна Канукова, д-р истор. наук, профессор кафедры российской истории; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-7353-4324>

Али Калирад, д-р истор. наук, доцент кафедры истории (Программа изучения Центральной Азии и Кавказа); Тегеранский университет; Иран, Тегеран, ул. Шанздах-э-Азар, площадь Энгеллаб, 16; kalirad@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-5940-702X>

Zalina V. Kanukova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>

Ali Kalirad, PhD in History of Islam, Assistant Professor of the Department of History (Central Asian & the Caucasus Studies Program), University of Tehran; 16th Azar Str., Enghelab Sq., Tehran, 1417466191, Iran; kali-rad@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-5940-702X>